Поскольку вечером их ждали еще две большие лекции, сразу после окончания урока по массивам новые личные ученики отправились подкрепиться в трапезную.

Новоприбывшие адепты из остальных четырех континентов теперь души не чаяли в трапезной ордена Ванцзянь: здесь водилось великое множество изысканных лакомств, которых они прежде и в глаза не видели.

Поговаривали, будто все эти диковинные блюда, о существовании которых никто раньше не подозревал, в свое время явились во сне тому самому старшему Сяо Юэ.

Гун Чжоу, с удовольствием потягивая через соломинку шарики из чая с молоком, невольно выдохнул:

— Это ж до какой степени нужно быть прожорливым, чтобы этому старшему Сяо Юэ привиделось во сне столько вкусностей?

В прежние времена, когда ему самому доводилось голодать, ему тоже снилась еда, но в лучшем случае это был печеный батат или, предел мечтаний, дикая куриная ножка. В конце концов, это было самым лучшим из всего, что ему удавалось отведать наяву.

А чтобы увидеть во сне совершенно новые кулинарные рецепты, нужно было не просто много повидать и перепробовать, но и родиться прирожденным кулинарным практиком, верно?

Вот только ходили слухи, будто единственным слабым местом старшего Сяо Юэ как раз и была готовка: он мастерски составлял рецепты, но за конечным результатом неизменно обращался к кому-то другому.

Юнь Фэймяо, который тоже вовсю причмокивал чаем с молоком, тем временем листал записи на своем нефритовом свитке связи и развернул экран так, чтобы Гун Чжоу было видно:

— Я бы посоветовал брату Гуну поменьше обсуждать старшего Сяо Юэ на людях. Ныне на Центральном континенте по меньшей мере восемьдесят процентов молодых людей безумно фанатеют от него и не потерпят ни единого кривого слова в его адрес.

— Разве назвать кого-то прожорливым — это кривое слово? — не понял Гун Чжоу.

Будучи несчастным ребенком, который с малых лет натерпелся голода, он полагал, что любовь к еде — вполне естественное человеческое желание, и ничего дурного в этом нет.

— Разумеется, в этом нет ничего плохого, — с улыбкой отозвался Цзян Цинжо, ловко подцепляя палочками жареную куриную ножку и перекладывая ее в чашу Гун Чжоу. — Как говорится, в еде и плотских утехах кроется сама природа человека. Быть падким на угощения или женскую красоту — дело житейское, и покуда это никому не мешает, предосудительного тут мало. Вот только некоторым это слово кажется обидным, так что при посторонних его лучше не использовать, а для себя в душе можно думать что угодно.

Глядя на мягкую, лучезарную улыбку Цзян Цинжо, Гун Чжоу лишь ошеломленно закивал, мысленно поймав себя на мысли, что этот паренек, которого он изначально планировал взять под свое крыло в качестве младшего брата, уж больно хорош собой.

Особенно когда тот улыбался — у Гун Чжоу буквально земля уходила из-под ног!

И всё же в глубине души его не оставляло смутное ощущение, что здесь кроется какой-то

подвох.

Вспоминая, как во время лекции Цзян Циньжо преспокойно позволял ему нести всякую околесицу, и глядя на то, как тот то и дело подкладывает ему лучшие кусочки, Гун Чжоу с запозданием осознал: кажется, это о нем самом опять вовсю проявляют заботу.

Юноша не шутя перепугался: если так пойдет и дальше, какой из него, к лешему, старший брат?

Он поспешно орудовал палочками, принявшись вылавливать и перекладывать в чашу Цзян Циньжо те блюда, к которым тот притрагивался чаще всего, в тайной надежде, что еще не поздно всё исправить.

Юнь Фэймяо, наблюдая за этим взаимным обменом угощениями, находил их поведение довольно странным. Они ведь сидели за небольшим столом на четверых, в центре которого имелась вращающаяся подставка. Все блюда были расставлены прямо по краю этого диска, так что дотянуться до любого кушанья не составляло ни малейшего труда! Достаточно было просто крутануть подставку, к чему эти церемонии?

Руки-то у всех выросли нормальной длины!

— Сяо Ци! — Юнь Фэйинь, держа в руках плетеную корзину, доверху набитую жареной курицей, картофелем фри и шипучей газировкой, без лишних слов втиснулся на скамью прямо рядом с Юнь Фэймяо, разом оборвав нить его размышлений.

— Третий брат, ты как здесь оказался? — полюбопытствовал Юнь Фэймяо.

Поговаривали, что адепты ордена Ванцзянь, достигшие стадии Зарождения Души, крайне редко заглядывали в общую трапезную. Пускай здешние яства и были сотканы из чистой духовной энергии, в них всё равно неизбежно оставалась толика мирской скверны. Если эти нечистоты накопятся в меридианах, это может сильно затормозить культивацию, оттого-то мастера высоких рангов ели крайне мало, опасаясь воздвигнуть преграду на пути к дальнейшему прорыву.

И пускай в свое время кто-то из великих предшественников создал Очищающие пилюли, способные выводить шлаки, но ведь от частого приема лекарств в теле тоже скапливаются алхимические токсины, верно?

— Старший брат ушел в уединенную медитацию, мне одному на нашей вершине стало до смерти скучно, вот я и решил заглянуть к тебе, а заодно перекусить чем-нибудь вкусненьким, — Юнь Фэйинь с самым нежным видом прижимал к себе корзину, полную аппетитной жирной стряпни.

Пока старший брат был на виду, он строго-настрого следил за его рационом и распорядком дня, но стоило тому уйти в затвор, как появилась великолепная возможность втихую наесться до отвала.

Юнь Фэймяо недоумевал:

— Отчего же в одиночестве? А как же второй старший брат Шэнь?

— Второй брат сейчас глаз не спускает со Сыту Синя, где ему до меня? — Юнь Фэйинь недовольно надул губы. — Да к тому же он и так не слишком-то рвется со мной знаться, ему

куда милее без конца препираться с Сы Цзюньчжанем.

— Сыту Синь уже прибыл в орден Ванцзянь? — Юнь Фэймяо слегка помрачнел.

В последнее время навалилось столько дел, а сам Сыту Синь ни разу не подавал знаков присутствия, что он едва не выкинул этого человека из головы. Увы, этот тип всё-таки явился, а значит, о покое на ближайшее время можно забыть.

— Ага, старший брат еще прошлым вечером самолично доставил его в секту, — проворчал Юнь Фэйинь, с аппетитом вгрызаясь в куриную ножку. — Брат рассказывал, что когда он добрался до нашего опорного пункта на Западном континенте, этот лоботряс дрых без задних ног и дрых точно сурок, его целую вечность растолкать не могли.

— … — Гун Чжоу молча опустил голову и принялся еще усерднее грызть свою курицу, чувствуя, как внутри ворочается нешуточное малодушие.

— Как выяснилось позже, подле него лежал какой-то диковинный массив на пластине. Похоже, стоило человеку угодить под его действие, как он тут же проваливался в беспробудный сон. И какой только чудила додумался сотворить столь нелепую штуковину?

— … — Се Ян с самым невозмутимым видом продолжал отправлять в рот рис, не испытывая ни малейших укоров совести.

Пластину-то смастерил он сам, но вот сама задумка целиком и полностью принадлежала Гун Чжоу, так что он тут совершенно ни при чем.

— Старшему брату эта вещица показалась весьма занимательной, и он решил испробовать ее действие на себе…

— Кха-кха! — Гун Чжоу едва не подавился куском мяса, вовремя успев проглотить его, и тут же сделал огромный глоток чая с молоком, дабы унять бешено заколотившееся сердце.

Он-то наивно полагал, что Е Чжэн, будучи главным старшим братом всего ордена Ванцзянь, должен отличаться редкой степенностью и благоразумием, а тот, оказывается, обладал столь неуемным любопытством?

Юнь Фэйинь с недоумением воззрился на него:

— Разве чай с молоком вприкуску с жареной курицей — это не слишком приторно? Не хочешь отведать ледяной шипучки? С непривычки вкус может показаться странным, но стоит распробовать, как во рту разливается чудесная прохлада.

С этими словами Юнь Фэйинь щедро плеснул ему порцию газировки в отдельный стакан.

Гун Чжоу поспешно поблагодарил его и с любопытством уточнил:

— И как… со старшим братом ничего дурного не случилось?

— Да что с ним сделается? — отмахнулся Юнь Фэйинь. — Брат сказал, что мастер, сотворивший эту пластину, обладает феноменальным даром и работа выполнена на высшем уровне. Вот только из-за скромного ранга самого создателя на мастере стадии Зарождения Души этот эффект проявил себя в разы слабее. Ему стоило лишь проявить толику твердости духа и мысленно приказать себе очнуться, как чары тут же развеялись. А вот Сыту Синю

повезло куда меньше. Брат поведал, что тот после погружения в сон без конца грезит наяву, и сны те до того сладостны и прекрасны, что бедолага попросту не желает возвращаться в реальность.

— И что же ему там такое видится? — заинтересовался Юнь Фэймяо.

— О-о, ему снится, будто тебя в младенчестве перепутали с Ло Шуанбаем, и именно Ло Шуанбай — истинный молодой господин нашего клана Юнь. Во сне он возобновил с ним помолвку, они заключили союз, сделались спутниками на пути культивации, жили душа в душу и рука об руку вознеслись в верхние миры. А у тебя тем временем разрушились духовные корни, ты пошел по миру и в образе нищего прибился к его ногам, а он с презрением пнул тебя, да еще и знатно потоптался сверху.

Лицо Юнь Фэймяо при этих словах исказилось в гримасе полнейшего отвращения:

— Он что, совсем с дуба рухнул? Ло Шуанбай старше меня на целых два года, как нас вообще можно было перепутать? Если уж на то пошло, его могли поменять местами разве что с шестым братом!

Как раз его шестой брат Юнь Фэйчэн был старше его ровно на два года.

Юнь Фэйинь со смехом парировал:

— Наш шестой — всего лишь обладатель отличного духовного корня воды, разве мог такой скромный дар привлечь взыскательный взор Сыту Синя?

— Ха-ха, — холодно усмехнулся Юнь Фэймяо. — Его собственный угасающий небесный корень без посторонней помощи и гроша ломаного не стоит, куда ему до прочного фундамента шестого брата!

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, раз за его спиной теперь стоит весь наш орден, — со вздохом констатировал Юнь Фэйинь.

— И какова же дальнейшая судьба этого деятеля в секте? — осведомился Юнь Фэймяо.

— А как еще с ним поступить? Для начала его оставят на пике Цзяньдань ради лечения и наблюдения. Как только его духовный корень удастся восстановить и укрепить, для него составят точно такое же расписание лекций, как и для вас. По окончании вводного курса его определят практиковаться во внутренний круг. А уж сподобится ли он стать чьим-то личным учеником — это решится лишь через пять лет, когда владыки пиков станут делать свой выбор. Впрочем, пускай небесный духовный корень и считается величайшей редкостью, наши владыки вовсе не обязаны хватать первого встречного. К тому же в нынешнем году к нам под крыло разом привалило трое ребят с абсолютно чистым и безупречным даром, так что на их фоне он выглядит весьма блекло.

— Вот оно как…

Юнь Фэймяо на мгновение впал в легкое оцепенение, поймав себя на мысли, что нынешнее положение Сыту Синя точь-в-точь копирует его собственную судьбу из тех жутких сновидений. Тот точно так же из-за недугов упустил заветный миг, когда владыки пиков отбирали себе личных преемников, и теперь всё его будущее зависело от того, как повернутся дела через долгие пять лет.

Вот только в его кошмарах ему самому так и не суждено было пережить эти пять лет. Интересно, достанет ли у Сыту Синя сил и упорства, дабы дотянуть до этого срока?

http://bllate.org/book/17668/1663192